

Олег КОРНИЕНКО

Сызрань

Родился в 1954 году в селе Котовское на Киевщине. Майор-вертолётчик в отставке. Воевал в Республике Афганистан. Автор шести книг прозы для детей и взрослых. Член Союза писателей России (1998). Лауреат Международной литературной премии имени Э. Хемингуэя (Канада, 2016). Член академии «Русский слог». Председатель Сызранской МТО «Содружество детских писателей». Член редколлегии литературных журналов «Волга — XXI век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск).

ЧЕРНОПЛОДНАЯ РЯБИНА

После завтрака Тимка засобирался к Стёпке.

— Далёко? — поинтересовалась мать.

— На улицу, — уклончиво ответил Тимка.

— Возьми деньги и сходи купи хлеба.

В хлебный магазин Тимка вошёл важно, как взрослый, и хотел даже спросить, кто последний. Последними возле прилавка стояли тётка Ульяна и бабка Федора, и Тимка молча пристроился за ними так, чтоб они его не узнали.

— Дедушке моему сегодня товарищ фронтовой приснился, — рассказывала соседке бабка Федора. — Они после ранения вместе в госпитале лежали. Моего только осколком задело, а тот сильно был ранен, прооперировали его, но надежды на выздоровление было мало. Питть почти не давали, только губы смачивали. Видимо, кончался... И вот однажды захотел он черноплодной рябины: «Я бы сейчас рябинки поел, и мне, кажется, легче бы стало». А какая может быть рябина зимой? И когда уже понял, что умирает, попросил моего дедушку: если тот живой останется, чтоб посадил у себя дома рябину. Пусть, мол, будет на память обо мне и нашей дружбе. Дедушка перед девятым мая посадил куст, как и обещал, и он, слава Богу, прижился и плодоносил, но ягод мы почти не ели, хотя, говорят, они от давления помогают. А несколько лет назад рябину то ли страшная жара погубила, то ли зимой приморозило. Как весна приходит — ни листьев, ни ягод. Дед решил отлить её водой: а вдруг оклемаётся? Каждый день который год поливает её, а толку...

Тимка купил хлеба и поспешил домой. «Отдам хлеб — и быстрее к Стёпке, — подумал он. Стёпка учился почти на

одни тройки, но другом был настоящим. — А если мать не пустит меня? Вечно у этих взрослых какие-то дела».

Тимка уставился на свою калитку, как на врага, затем бросил взгляд вдоль улицы, которая манила простором и свободой.

— Я быстро! — сказал он себе и, повернувшись, зашагал к дому Стёпки, повторяя про себя, чтобы запомнить: «Черноплодная рябина, черноплодная рябина».

Стёпка был дома. Он помогал матери вешать выстиранное бельё. Точнее, бельё вешала мама, а Стёпка только держал таз.

— У тебя всё нормально? — Стёпка вопросительно посмотрел на товарища.

— Сегодня — да. А завтра... — Тимка задумчиво посмотрел в окно.

— Не бойсь: завтра наступит обязательно!

— Нужна твоя помощь, — и он передал разговор бабки Федоры, подслушанный в магазине. — И тогда — представляешь? — дедушка утром приходит в огород поливать свою мёртвую рябину, а она стоит... живая.

— Откуда же она возьмётся живая?

— Мы с тобой посадим. Сегодня ночью.

— Легко сказать — посадим, — ухмыльнулся Стёпка. — Её сначала где-то взять надо.

— Черноплодная рябина есть среди саженцев, которые вчера привёз из питомника отец.

— А если он заметит пропажу? — Стёпка почесал затылок.

— Не заметит, — Тимка уверенно хлопнул ладонью по столу.

Когда за окном, наконец, потемнело, Тимка потихоньку вышел из дома. Стёпка ждал его на улице с лопатой и ведром. Из сарая они вытащили мешок с саженцами, выбрали самый большой рябиновый куст, перелезли через забор бабки Федоры и принялись за работу. Черноплодную рябину они посадили вместо старого куста прямо против зашторенного окна, в вытянутом на земле прямоугольнике света.

А назавтра, ближе к обеду, в избу к Гришановым вдруг заявила бабка Федора и, часто крестясь, поведала вдруг, что черноплодная рябина в их огороде, кажется, ожила.

— Мой старик собрался после завтрака грядки под редиску и морковь вскопать, — начала, поправив головной платок, бабка Федора. — Смотрю, через пять минут пришёл обратно, и глаза какие-то испуганные. «Что стряслось? — спрашиваю. — Конец света по календарю майя отменяется?» — «Нет, — отвечает, — конец света не майя, а глупые люди придумали...» — и сообщает мне, что его черноплодная рябина отошла. Так что зря, мол, я когда-то над ним насмеялась... Я не знала, что и ответить. Идём обратно в огород. И вправду рябина, что под окном глаза мозолила, почки наконец пустила. Куст, правда, немножко не такой, хотя кто его знает, какой он был вчера? И я так кумекаю: это или твоего Тимофея проделка, или промысел Господний, — и бабка Федора снова старательно перекрестилась. — Мой дедушка после этого даже горбиться перестал. Шляпу где-то свою старую откопал, напялил, точно праздник завтра.

Когда бабка Федора, наконец, доложила всё и дверь за ней захлопнулась, мать дёрнула Тимкину дверь:

— Рябина — ваших рук дело?

Тимка посмотрел на присевшего за кроватью Стёпку и непонимающе развёл руками:

— Какая рябина? Я весь вечер дома был, — он еле справился с улыбкой. — Как что, сразу Тимка!

— Поговори ещё у меня... — отрезала мать и добавила уже из кухни: — Выключай свой компьютер, мичуринец, и иди пить чай, пока ещё горячий. И Стёпку зови. Я же вижу, что он в спальне прячется...

Тимка подмигнул товарищу и по-дружески подтолкнул его к столу.

За весь день мать не раз бросала на Тимку вопросительные взгляды, но он не обращал на них внимания. На душе у него было легко и светло, точно они со Стёпкой сделали какое-то большое и доброе дело.

А ночью Тимке приснился раненый солдат, о котором рассказывала бабка Федора. Живой и невредимый, он стоял в огороде соседки, ел прямо с куста черноплодную рябину и счастливо улыбался...